

Юлия Гиппенрейтер: «Следовать за ребенком и помогать ему расти»

Что мы можем сделать для блага своего ребенка? Где проходят границы родительского авторитета? В чем разница между «воспитывать» и «помогать расти»? Разрешать ли ребенку (не) делать то, что он (не) хочет? Встреча с доктором психологических наук Юлией Гиппенрейтер.

Psychologies: Что мы действительно можем сделать для блага своего ребенка?

Юлия Гиппенрейтер: Лучшим ответом будет зрительный образ. Вспомните фреску Микеланджело: Бог сотворяет Адама. Их руки вот-вот встретятся; мощная, мускулистая рука Бога устремляется к протянутой руке Адама. Взрослый — носитель знаний, мудрости, этических принципов. И он передает все это своему ребенку.

То есть воспитывает?

Я бы заменила глагол: он слишком часто ассоциируется с такими действиями, как заставлять, принуждать, требовать, контролировать, проверять. Поэтому лучше сказать не «воспитывает», а «растит». Помогает расти. Чтобы когда-нибудь ребенок вырос и мог жить среди других людей, самостоятельно. И тогда взрослый должен свою руку отодвинуть. Потому что рука ребенка уже обрела собственную силу. Он индивидуум, личность. И когда это произойдет, родительская миссия окончена. Тогда остаются только их личные чувства друг к другу, их любовь, дружба между родителями и ребенком.

Но бывает иначе: родители продолжают «воспитывать».

Такое отношение — это насилие над ребенком. И не только над теми, кто вырос, но и над маленькими детьми. У каждого ребенка свой процесс осмысления, свой темп развития, роста. Нам нельзя вмешиваться в этот процесс, тем более вмешиваться неаккуратно. Это значит нарушать его! Родители должны быть помощниками: это как с растением — его нужно подпитывать, защищать, а не тянуть за верхушку, не торопить.

Но бывают еще и внешние требования: что ребенок должен уметь к определенному возрасту...

Великий математик Владимир Арнольд вспоминал, как в конце первого класса учительница вызвала его мать и сказала: «Я вашего сына перевести не могу, он до сих пор не выучил таблицу умножения, складывает в уме числа, вместо того чтобы умножать». Но у него отец профессор, дед профессор — не может быть!

И вот что придумала тогда бабушка — сделала карты, наподобие игральных, но с примерами: семью восемь или пятью три. А на другой стороне — ответ. И они стали вместе играть: «Пятью шесть». — «Тридцать», — говорит Володя. Откладывают карточку в одну сторону. А если неправильный ответ, то в другую. И так с одной стороны стопка карт худела, а с другой росла...

Активное слушание — способ вести разговор, который позволяет понимать состояние, чувства и мысли ребенка

Так он быстро выучил всю таблицу умножения. Почему? Учительница требовала автоматических ответов, а мальчик вдумывался, ему надо было понять. Она ему грозила наказанием: не переведу. А бабушка превратила обучение в игру и достигла нужного результата, не принуждая ребенка, а следуя за ним.

Насколько совпадают интересы школы и родителей?

Школа как организация не заинтересована в развитии творческого мышления и самостоятельности ребенка. Она построена на спущенных сверху заданиях, программах, методиках. И требует беспрекословного их выполнения. По сути школа — это лаборатория по изготовлению безвольных людей: школьник по определению подневолен. Он исполнитель. Для творчества у него не остается времени, мысли. А волевая личность рождается, только когда ребенок растет в атмосфере свободы, инициативы, любопытства, поиска.

Принято думать, что волевой человек как раз может себя заставить делать то, чего не хочет...

Воля — это понятие, неприменимое к действию. Оно применимо к личности. Воля — это свободная энергия, а волевая личность — тот, у кого присутствует эта энергия и кто делает то, что ему интересно.

Физиолог Павлов зарплату забывал получать, обедать забывал, так его увлекали его исследования. Давайте такую волю у ребенка воспитывать, чтобы он хотел что-то делать и делал, чтобы у него было живое желание и интерес. А когда его заставляют, запугивают, как та учительница, которая говорит: «Не переведу», или «Все выучили, а ты почему такой глупый?» — в ребенка вселивают страх и чувство неполноценности. У него пропадает энергия, стремление что-то делать.

Ребенку необходимо хорошо относиться к себе. И если «я учусь плохо, мама на меня сердится», то ему становится очень плохо

Поэтому родителям приходится сделать выбор: встать либо на сторону школы, либо на сторону ребенка. Вдохновлять — вот задача взрослого. Если школа этого не делает, значит, должны делать родители — по крайней мере первые шаги в этом направлении. Освободить ребенка от принудиловки, сказать ему: «Ты не должен».

Но можно ли разрешить ребенку делать все, что он хочет?

Прежде всего необходимо учиться понимать, чего он действительно хочет и почему он этого хочет. Интересное наблюдение сделала одна мама. Ей казалось, сын испытывает ее терпение: он смотрел много раз подряд мультфильм, который ей категорически не нравился. А мать упрекала его: «У тебя есть масса развивающих программ, книг и игр,

займись чем-нибудь другим, в конце концов! Этот мультфильм больше смотреть нельзя». После чего следовали слезы, истерики и обиды.

Но потом мать прошла курс активного слушания и попробовала изменить тактику. Активное слушание — способ вести разговор, который позволяет понимать состояние, чувства и мысли ребенка. Основные приемы — повернуться лицом к ребенку, повторять то, что он сказал, называть его чувства. В результате ребенок сам продвигается в решении своей проблемы, а родители становятся спокойнее, меньше раздражаются, лучше чувствуют настроения и желания сына или дочери.

«Ты хочешь, чтобы я включила тебе этот мультфильм», — говорит она в утвердительной форме. — «Да, хочу смотреть именно этот мультфильм, потому что он мне очень нравится!» — «Тебе очень нравится именно этот мультфильм», — говорит она. «Да, очень!» — отвечает мальчик. Мать выдерживает паузу. «Но ты никогда не разрешаешь мне его смотреть», — продолжает мальчик.

Тогда мама говорит: «Ты сердишься из-за того, что мама не разрешает тебе смотреть мультфильм, который тебе очень нравится». — «Да, мне этого так хочется!» И после паузы: «Я хочу смотреть фильм с тобой, мама». Мы видим, что в ребенке идет какой-то свой, особенный процесс. «Тебя не было дома целый день, и я очень соскучился».

Мама опять повторяет: «Ты очень соскучился, мой малыш, и хочешь со мной смотреть мультфильм». — «Да, очень хочу». Она обнимает ребенка. Он бежит в свою комнату, приносит... диск «Учимся читать» и предлагает посмотреть его немного, а потом просто вместе почитать его любимую книгу. Что произошло? Мать услышала наконец, что на самом деле ребенок хотел ласки и понимания. Это парадоксальное поведение — рассердить, чтобы получить внимание, — очень типично для детей.

Значит, можно иногда разрешить не делать то, чего он не хочет?

Конечно, не всегда надо подчиняться жестким правилам. Если, например, дочь просит: «Разреши мне не ходить в школу хотя бы сегодня. Я больше не могу!» — почему бы не разрешить ей это, если вы будете уверены, что она в школе не отстанет. Но ребенка важно подстраховывать, защищать. Как только он начал хромать в каком-нибудь учебном предмете, бейте тревогу. Начните вытаскивать его как можно раньше. Нужно определить, в чем трудность, и вытащить. Иначе дальше будет снежный ком проблем.

Потому что, когда не получается, начинает падать самооценка, ухудшается мнение о себе. Оно ведь меряется поступками. Хорошо учусь — я молодец. Помогаю маме — я молодец. Ребенку необходимо хорошо относиться к себе. И если этого нет, если «я учусь плохо, мама на меня сердится», то ему становится очень плохо. Но ребенок не может жить с

плохим мнением о себе, у него включается механизм самоспасения. Как собака целебную траву, он ищет место, где получит одобрение, поддержку, признание. Он ищет где-то авторитетное мнение, а от бандита оно исходит или от бабушки — ему все равно.

И потому в возрасте 11–13 лет может произойти резкое изменение ценностей: дразню учительницу — я молодец, не прихожу домой, лазаю по опасным местам — я молодец, хулиганю, ворую — молодец. У подростка снова высокая самооценка — но теперь она измеряется по другой шкале.

Некоторые родители испытывают страх: если их ребенок в чем-то не преуспел, то их самих оценят как «плохого отца», «плохую мать».

Я сейчас пытаюсь представить себе, как получаются такие родители. Это значит, что им самим никогда не давали жить, следуя собственным спонтанным желаниям, их постоянно оценивали. У них не было своего мнения, они не чувствовали, что имеют право распрямиться во весь рост и сказать свое слово. Я бы с такой мамой поговорила о том, что она сама думает о своем ребенке, о том, как она его любит и чем ему помогает. И посоветовала бы никого не слушать!

Даже если это учитель?

Бывают разные варианты общения, и надо искать подходящий. Одна из участниц моих семинаров рассказывала, что ее вызвала учительница и принялась ругать ее сына: он такой-сякой, он и пятое, и десятое. Но эта мама просто сказала: «Знаете, Нина Петровна, я очень люблю своего мальчика!» И Нина Петровна умолкла.

Это один вариант ответа. Можно использовать и другой, противоположный. «Спасибо, что вы мне это все сказали, я вижу ваше горячее желание помочь моему ребенку выбраться из этой неприятной ситуации. Я буду делать то, что вы мне сказали». Потом прийти и сказать: «Вы наверняка заметили улучшение, и я тоже. Я уверена, это благодаря вашим усилиям».

Учителя тоже люди. Их иногда важно успокоить и поддержать. Дать понять, что цените их работу, уважаете ее. Но оценка вашего ребенка остается в конечном итоге всегда за вами. Что бы вам ни говорили, вы все равно его любите. Школа — это на время. А ваши отношения с ребенком — навсегда.

«Относиться к ребенку осознанно»

Роман, 51 год, специалист по информационным технологиям

Роман отец Александры, 25 лет (дочь от первого брака), Арсения, 13 лет (сын жены), Артемия, 8 лет, и Людмилы, 21 год (приемная дочь): «Невозможно полюбить приемного ребенка сразу. Чтобы он по-настоящему стал «твоим», должно пройти не меньше двух

лет. И это не зависит от его возраста: так было с сыном моей второй жены (мы познакомились, когда ему было четыре года), так же было и с приемной дочерью, которая пришла к нам в 16 лет.

Со всеми детьми я веду себя совершенно одинаково. Важно осознанное отношение к ребенку: мы в ответе за тех, кого приручили. Больше всего проблем у меня было с первой дочерью. И дело, конечно, не в ней, а во мне. Тогда я совершенно не понимал, что такое быть папой. Но к встрече с сыном был уже готов. Я очень внимательно смотрел на него, понимая, что ему сейчас не по себе и надо относиться к нему сдержанно и терпеливо. Но искренне. Это очень важно — реагировать, не скрывать свои эмоции.

Я не думаю, что отцу надо быть для ребенка приятелем, это вредно для него. Функция отца подразумевает твердость: дети нуждаются в ограничениях, это их успокаивает и позволяет избегать конфликтов. Моя позиция — быть доброжелательным, но строгим. Тогда дети чувствуют себя защищенными. Конечно, их необходимо хвалить, с ними важно играть, их надо жалеть, но с ними нельзя общаться как со взрослыми, даже когда им исполняется, к примеру, тринадцать (как сейчас Арсению) и кажется, что они уже выросли».

Текст: Елена Шевченко, Ольга Сульчинская

Источник фотографий: АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ, ВЛАДИМИР ФЕНИЧЕВ